

«Деревянный меч... сражаться за их свободу...»

Санни слегка сдвинулся, отчего его клетка покачнулась, и взглянул на Элиаса. Юноша больше не был настроен на разговоры и просто тихо сидел, глядя в темноту.

В его словах было что-то, какой-то намек на смысл. Санни отчаянно пытался уловить этот смысл, но почему-то его мысли все время возвращались к статуям Бога Войны.

Он видел два изображения этого грозного божества в Королевстве Надежды. Одно представляло собой воина в тяжелых доспехах, держащего окровавленное копье и потрескавшийся щит — оба, предположительно, символизировали войну и сражение, — а другое — женщину в звериной шкуре, держащую в одной руке копье, а в другой — бьющееся человеческое сердце... Копье символизировало ее господство над войной, технологией и, возможно, ремеслом, а сердце — ее связь с жизнью и человечеством.

Почему эти статуи были такими разными?

Санни все еще был измотан после яростных битв прошедшего дня, его мысли были медленными и лихорадочными, как часто бывало в эти дни. Разозлившись, он потер лицо, а затем поцарапал его острыми когтями, рассекая кожу. Боль смыла туман, окутавший его разум, и на несколько минут позволила ему ясно мыслить.

Алтарь Войны... так Солвейн назвала остров, на котором стояла первобытная статуя Богини Жизни. И это было правильное слово — это изображение божества казалось гораздо более первобытным, звериным... древним.

Сама статуя тоже казалась невероятно древней. Гораздо древнее, чем статуи могучего воина... на самом деле, она казалась такой же древней, как и сам Красный Колизей, а может, и старше. Достаточно древним, чтобы быть созданным до того, как Королевство Надежды было разрушено и превращено Богом Солнца в цепь плавучих островов, как это было сегодня, и будет через тысячи лет в будущем.

Зачем Королевству Надежды памятник одному из богов в его владениях? Сама идея была не такой уж странной. В конце концов, боги и даймоны не всегда находились в состоянии войны. Принц Подземного Мира хранил в своей башне святыню Богини Черного Неба, Бога Бури, несмотря на то, что позже она стала его смертельным врагом.

Так что этот вопрос был не важен... важно было то, что Санни почему-то не мог перестать думать о статуе.

«Такая же древняя, как и сам Красный Колизей...»

Внезапно Санни наклонил голову.

«А?»

Белый амфитеатр и арена, которую он окружал, тоже были заброшенными остатками настоящего Королевства Надежды. Он осознал этот факт некоторое время назад, частично по тому, как они выглядели, а частично по тому, насколько глубокими и древними казались некоторые тени, прятаясь в углах подземелья.

На самом деле, Санни подозревал, что театр не всегда был ареной для сражений. Он напомнил ему гигантскую каменоломню у истоков Полых Гор, где семь героев Забытого Берега добывали камень для строительства могучих стен своего города, и сам Багровый Шпиль.

Город Слоновой Кости тоже должен был быть построен из чего-то... Значит, и здесь когда-то была такая же каменоломня, служившая источником белых камней для строительства воздушных мостов и акведуков. Позже это место превратили в театр, а еще позже Приверженцы Войны захватили этот театр и превратили его в арену, пропитав древние камни таким количеством крови, что они стали красными.

Его черные глаза сузились.

«Это оно... это должно быть оно...»

Все это время Санни мучил один парадоксальный вопрос. Вопрос, который был крайне важен для его попыток обрести свободу.

...Если это была эпоха, когда Заклинание Кошмара еще не существовало, то как Солвейн смогла посадить его на цепь, которая способна разорвать его связь с Заклинанием?

Ошейник был простым куском зачарованного металла, без замка или какого-либо другого способа открыть его. Его почти невозможно было повредить или уничтожить, но само зачарование было не очень сложным... Санни чувствовал, что это так. Однако оно связывало его с огромными и невероятно мощными чарами самой арены.

Эти чары использовались Приверженцами Войны для поддержания клеток, предотвращения побега рабов любым способом, мирским или магическим, и обеспечения их поведения во время транспортировки на арену и, очень редко, обратно.

Его неспособность связаться с Заклинанием почти казалась побочным эффектом этих мер.

Но что вообще может помешать Заклинанию, тем более случайно?

И вот теперь ему казалось, что он нашел ответ! Если Красный Колизей действительно не был построен Приверженцами Войны, а только узурпирован ими, то все действительно было предельно ясно.

...Это могло быть колдовство другого даймона. Если Демон Желания была первоначальным создателем театра, то чары, оставленные ею, вероятно, справились бы со своей задачей, испортив Заклинание, сотканное из Нитей Судьбы ее старшим братом.

Санни сдвинулся, вцепившись в прутья клетки.

Внезапно мощная эмоция вспыхнула в его груди, наполняя его мышцы новой силой, а разум — отчаянной решимостью.

...Надежда. Это была надежда.

Он больше не думал о ней как о яде. Нет... всё было наоборот. Мощнейшее противоядие.

Если Заклинание было создано Ткачом, а мешающие ему зачарования — Надеждой... если всё это было результатом столкновения двух видов даймонического колдовства...

Тогда почему он, как обладатель даймонического наследия, не мог сделать что-то, чтобы разрешить это столкновение?

Конечно, Санни ничего не знал о плетении магии... но он также ничего не знал и о бое, о том, как жить и сражаться в теле настоящего демона.

Если в чем он и был хорош, так это в познании нового.

Ну... и во лжи.

И в выживании.

Посмотрев на окружавшее его жуткое подземелье новыми глазами, Санни изучил его древние каменные стены и нахмурился.

Итак... как же нужно было начинать учиться колдовству?